Е.А. Осьминина

Культур-философские источники Д.С. Мережковского (к новому изданию «Тайны Трех»)

Выход в издательстве Дмитрия Сечина 14 тома из нового, двадцатитомного собрания сочинений Д.С. Мережковского – «Тайна Трех» – значим и для исследователей творчества писателя, и для специалистов в области источниковедения.

В том вошли два эмигрантских трактата, две первые книги трилогии, имеющей общее название «Тайна Трех» – «Тайна Трех: Египет и Вавилон» и «Тайна Запада: Атлантида–Европа». Тексты трактатов сопровождаются примечаниями самого Мережковского; комментариями О.А. Коростелева и Е.А. Андрущенко при участии А.В. Журбиной; послесловиями О.А. Коростелева «Главная трилогия Д.С. Мережковского» и Е.А. Андрущенко «“Несвоевременная” книга»; а также именным указателем, составленным Н.А. Дровалевой. В сравнении с соответствующим томом из предыдущего собрания сочинений Мережковского, вышедшем в издательстве «Республика» в 1999 г., новыми являются развернутый комментарий (160 страниц мелкого текста, свыше 11 а.л.), послесловие Е.А. Андрущенко и именной указатель. В рамках настоящей статьи хочется остановиться на особенностях комментария.

В преамбуле к нему О.А. Коростелев и Е.А. Андрущенко рассказали историю публикаций трактатов с 1923 г., привели обширные выдержки из прижизненной критики и список позднейших литературоведческих работ, посвященных книгам. Заметки и рецензии интересны для уяснения не только особенностей поэтики Мережковского, но и литературной борьбы в эмиграции. Комментаторы указывают политическую направленность некоторых изданий, которая сказывалась на характере откликов (например, сменовеховского «Накануне»). Можно добавить: не только политика, но и личные отношения с Мережковскими отразились в рецензиях левых кадетов и правых эсеров после «польского эпизода». Понадобилось время, заступничество И.И. Фондаминского в «Современных записках», блестящая публицистика З.Н. Гиппиус в «Последних новостях», чтобы эти отношения наладились. Последующее сотрудничество Гиппиус с «Возрождением», переход в «Числа» также не могли не сказаться на тоне рецензий во всех выше перечисленных изданиях; разумеется, все это не исключает эстетических критериев в оценке книги.

После преамбулы следует собственно комментарий, отличающийся двумя важнейшими достоинствами. Во-первых, авторы точно определили предмет и принципы комментирования, во-вторых, вложили в работу много труда. Большое

количество источников не только найдено, но уточнено и исправлено. Можно догадаться, сколько времени было потрачено, чтобы написать такую фразу: «*Приводя эту цитату Мережковский дает ссылки на три источника и все три сомнительны*» или «*У Вяч. Иванова не шло речи ни о горах, ни о плясках*»[1]. Это именно тот случай, когда одной строке предшествуют поиски не одного дня.

Но именно в таком комментарии и нуждается Мережковский. Верно был определен его тип; свой – для каждого писателя. В статье «Возможные типы комментария к произведениям И.С. Шмелева» историк Т.И. Грико[2] перечислила: лингвистический, историко-топографический, историко-биографический, этнологический и даже кулинарный типы. Для Мережковского список другой; здесь первичен именно «источниковедческий» комментарий, который и был сделан. Авторы, в лучших традициях отечественной филологии, не стали раскрывать известное, но не впали и в другую крайность – не начали заниматься толкованием, приводить собственных объяснений и оценок. Все объективно.

Однако это не просто набор уточненных цитат и ссылок. После прочтения комментария у читателя складывается определенная картина «мира Мережковского», проясняются некоторые существенные вопросы, касающиеся самого творческого акта писателя. Ниже, на примере анализа комментария «Тайны Трех» (для «Тайны Запада» модель аналогична) это будет проиллюстрировано.

Начнем с философских источников. Наиболее часто из древних философов Мережковский цитирует Платона, почти равнозначен с ним Гераклит. То есть тезис о двойственности, антиномичности как основной особенности Мережковского, высказанный некогда Н.А. Бердяевым, находит подтверждение и подкрепление в дуализме платоновской философии (идеи и материи), гераклитовском учении о войне, антитетизме последнего. Художественный мир Мережковского пронизан этим дуализмом: «богочеловечество» оборачивается «бесочеловечеством», рай – адом, у положительного героя есть отрицательный двойник и т.п.

Диалоги Платона, кроме того, являются для Мережковского источником многих мифологем: Атлантиды, андрогина, которые разрабатываются в трактатах. Сам способ символического толкования мифа также идет от Платона.

Среди философов Нового времени на первом месте оказывается Ф.В. Шеллинг. Это обозначение собственной традиции и собственных истоков для Мережковского

---

[1] *Коростелев О.А., Андрущенко Е.А., Журбина А.В.* Комментарии // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 14. М.: Дмитрий Сечин. 2017. С. 756, 758.

[2] *Грико Т.И.* Возможные типы комментария к произведениям И.С. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания. М.: ИМЛИ РАН. 2007. С. 326–329.

говорит о многом: что сам он хотел быть именно религиозным философом, что «откровение», т.е. мистика, много для него значили; что символизм действительно может пониматься как «неоромантизм». Дуализм присущ и системе Шеллинга. В данном случае хочется отметить находку комментаторов – труд К. Фишера «Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение» (русск. изд. 1905), который явился источником для Мережковского.

Из других европейских философов упомянут любимый всеми символистами А. Шопенгауэр и модный в начале века интуитивист А. Бергсон (у Гиппиус есть несколько стихотворений с терминами из последнего).

Если говорить о русской философии, на первом месте по значимости для всех символистов – не только для Мережковского – должен стоять В.С. Соловьев. Однако ссылок на него не так много, что говорит не только об их различиях, но и нежелании Мережковского восходить к этой традиции (В.В. Полонский в одной из последних своих статей[3] эти различия указал).

Гораздо больше в тексте (и, соответственно, в комментариях) отсылок к В.В. Розанову (в шесть раз больше, чем к Соловьеву и почти в два раза больше, чем к Платону). Ссылаясь на сборники «В мире неясного и неопределенного» (1904), «Темный лик. Метафизика христианства»(1911) Розанова, Мережковский вводит тему пола в религиозную философию (здесь он обращается и к трудам О. Вейнингера, модного в начале века).

Возможно, кстати, что розановские статьи в «Новом времени» (1916), его труд «Из восточных мотивов» (1917) являются источником и интереса Мережковского к Египту, до того в его творчестве не возникавшего. Соединение политики и истории культуры также может идти от Розанова, египтологические штудии которого соседствовали с «Апокалипсисом нашего времени» (1917). Политический пафос трактата Мережковского справедливо выделен комментаторами как важнейший; можно добавить, что некоторые идеи «Тайны Трех» были впервые высказаны именно в антибольшевистской статье писателя «Царство Антихриста»(1921).

На то, что Мережковский хочет быть именно религиозным философом, указывают не только имена Шеллинга и Соловьева. Больше всего в тексте цитат из Библии. Только уточненные, они равны по количеству сумме ссылок на Розанова, Платона и Гераклита – а ведь комментаторы указывали лишь неатрибутированные или

[3] *Полонский В.В.* Дмитрий Мережковский / Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 19–20.

неправильно атрибутированные отрывки! Количество последних позволяет сделать вывод и о нехватке в эмиграции профессиональных редакторов и корректоров.

Также атрибутированы цитаты из трудов ересиологов: св. Климента Александрийского, св. Ипполита Римского. Есть комментарий к апокрифическому «Евангелию от Фомы». Мережковский ссылается и на тексты средневековых христианских философов и богословов: блаж. Августина, св. Василия Великого, св. Григория Богослова.

Иная картина складывается в отношении не религиозно-философских, а культурологических источников Мережковского. Ссылки здесь единичны, традиция не прослеживается.

Сам тип философствования на материале культуры, как представляется, восходит к «философии истории», а значит к И.Г. Гердеру. Но для «Тайны Трех» современен другой источник – «Закат Европы» (1918) О. Шпенглера, оказавший огромное влияние на европейскую мысль, в том числе и русскую. Свободное размышление, с привлечением историко-культурного материала, примерами из различных видов искусств, с символическим пониманием культур, демонстрирует именно Шпенглер. Само словосочетание «душа Египта», «душа Вавилона» у Мережковского восходит к «аполлонической, фаустовской, магической душам» Античности, Западной Европы и Арабо-Византийского мира у Шпенглера; использован тезис Шпенглера о «молчании» Египта. Между тем, его имя упомянуто в «Тайне Трех» всего единожды.

Знает Мережковский и важнейшие направления своего времени, существующие в изучении мифов. Прежде всего, следует назвать ритуально-мифологическую школу, основанную Дж. Фрэзером. Последний в «Золотой ветви» (с 1890 г.) возводил культ умирающего-воскресающего бога к календарному, земледельческому мифу и магическим основаниям. Мережковский ссылается на часть «Золотой ветви» – «Адонис, Озирис, Атлас» (1906) – только в «Тайне Запада». Между тем, даже в названиях глав «Тайны Трех» подчеркиваются указанные особенности божеств, на них делается соответствующий акцент в тексте. Фрэзеровское толкование мифа об Озирисе как земледельческого также используется Мережковским.

Отзвуки идей солярно-метеорологической школы можно увидеть в солярных толкованиях египетских мифов (Г.К.Ч. Масперо), астральных – вавилонских (Г. Винклер). В комментариях встречаются имена представителей историко-критического метода в библеистике (Б. Бауэр), с ними Мережковских полемизирует.

Но это именно отдельные ссылки, отдельные упоминания. Труды вышеупомянутых антропологов, египтологов, ассириологов служат Мережковскому не «источниками идей», а «источниками фактов». Идеи у Мережковского были свои, религиозно-философские, но доказывались они на конкретных материалах египетской и ассиро-вавилонской культур.

На первое место среди египетских текстов, цитируемых и толкуемых в «Тайне Трех», следует поставить древнейшую «Книгу мертвых». Разные ее версии были переведены в XIX в. на немецкий (К.Р. Лепсиус, 1842), французский (Г. Масперо, 1882) и английский язык (Э.А.У Бадж, 1895). Мережковский упоминает «том» Лепсиуса как источник, кроме того, в трактате встречается описание виньетки из Саисской версии, которую переводил именно Лепсиус. В некоторых случаях возможно обращение к переводу Г. Масперо.

С текстом «Книги Мертвых» у Мережковского соотносятся переложения: древнейших «Текстов пирамид», гимнов («молитв») в честь Ра («Восходящему солнцу», «Солнцу заходящему»), гелиопольской космогонии. Книга цитируется при изложении мифа об Озирисе, рассказе о заупокойном культе египтян: о превращениях души после смерти, об исповеди отрицания.

Из других древних сакральных текстов приводится легенда о конце «первого мира», связанная с богом солнца Ра, разгневавшимся на людей; цитируется «Книга познания творений Ра». Приведено четверостишие из Большого гимна Атона, сохранившегося в гробнице Эйе и приписываемого фараону Ахенатону.

Греко-римский период представлен трактатом «Изида и Озирис» Плутарха, по нему излагается сам миф (возможно, описывается и скарабей), гимном или плачем Изиды (или «Причитанием Изиды и Нефтиды»), заговором против ядовитых укусов, который находится на стеле Меттерниха.

Достаточно много текстов и светской литературы: политических или художественных. Это, прежде всего, высказывания фараонов: Аменемхета I, Рамзеса III. Перекладываются или упоминаются: древнейшая «Песнь Арфиста», диалог египтянина со своей душой, «плачевная песнь Манероса»; стихотворение на стеле, посвященной богине Мут (под условным названием «Жрица Хатхор»), «Сказка о двух братьях», сказка «Сатни-Хамоис и его сын Са-Осирис».

Знакомя читателей с историей и культурой Египта, Мережковский упоминает «Историю» Геродота, «Египтиаку» Манефона Севеннитского, «Историческую библиотеку» Диодора Сицилийского. По Геродоту даны не только исторические сведения, но и некоторые верования, обряды, обычаи.

Из произведений искусства описаны пирамиды Гиза, лабиринт на оазисе Фаюм, Большой сфинкс, колоссы Мемнона (статуи Аменхотепа III), статуи Рамессеума (или «Гробницы Озимандрия»); барельефы храма Сети I в Абидосе, храмов богини Хатхор в Дендерах и богини Исиды на острове Филе. Рассказано о росписях на стенах гробниц в Бэни-Гассане, в гробницах Ти и гробнице Фтахатпу, в гробницах Тэль-эль-Амарны.

Откуда Мережковский черпал все эти сведения?

Сам он указал, что смотрел материалы экспедиции Бонапарта, Шампольона и Лепсиуса – это первоисточники. Первоисточником в ряде случаев являются и труды Г. Масперо, Э.А.У. Баджа. Обобщения согласуются с выводами Г. Масперо, книги которого «Древняя история. Египет. Ассирия», «Древняя история народов Востока» были переведены на русский язык соответственно в 1892 и 1895 гг. Тезисы Масперо о «детскости», «вечности», двойственности Египта использованы Мережковскими. Можно говорить о соответствиях некоторым положениям Э.А.У. Баджа, А. Видемана.

Основным же источником сведений стали для Мережковского две книги А. Морэ: «Во времена фараонов» и «Цари и боги Египта», переведенные на русский язык соответственно в 1913 и 1914 гг. Они носят, скорее, научно-популярный характер. Сам Морэ базируется на Г. Масперо, использует многие сведения из вышеупомянутых древних историков, привлекает теорию Фрэзера. У Мережковского на текстах Морэ основан рассказ о «допирамидном» Египте (изначальны Г. Масперо и Ж. Морган), о разделении Египта (изначален Г. Масперо); изложений «Книги Мертвых» – космогонии (изначален Г. Масперо), исповеди отрицания (изначален Г. Масперо); изложение мифа об Озирисе (в некоторых случаях соотносимое с Г. Масперо) – сама композиция рассказа, некоторые эпитеты и цитаты; пересказ плача Изиды и Нефтиды; анализ египетских верований касательно души, ее судьбы после смерти (изначален Г. Масперо), описание погребальных обрядов, Абидосских мистерий и некоторых архитектурных сооружений и изображений; изложение «Песни Арфиста» (изначален Г. Масперо), диалога египтянина со своей душой (изначален Г. Масперо).

О.А. Коростелев и Е.А. Андрущенко в комментариях указали всех вышеупомянутых египтологов, раскрыли ряд соответствий Морэ.

Для западноевропейских историй Древнего Востока характерна в изложении последовательность: Египет – Ассирия. Выделение именно Вавилона указывает на знакомство Мережковского с немецким «панвавилонизмом».

Из древнейших текстов ассиро-вавилонской культуры первичен для Мережковского «Эпос о Гильгамеше». Комментаторы предполагают источником пересказ эпоса Б.А. Тураевым, но отрывки различаются. Скорее всего, Мережковский

пользовался переводом с аккадского на французский Э.П. Дорма (1907), с него ранее перелагал Н.С. Гумилев. Но вполне возможно и обращение к немецкому труду А. Унгнада – Г. Грессмана (1911). Фамилия последнего исправлена комментаторами.

Мережковский переложил отрывки из I, VI–VII, IX–XII клинописных табличек библиотеки Ашшурбанипала, хранящихся в Британском музее; прочем не по порядку и в разных главах. Самым первым и наиболее подробно изложен миф о потопе (XI) и разговор с тенью Энкиду (XII), затем миф об Энкиду (I ,VII) и путешествие за «Злаком жизни» (IX–XI) и наконец оскорбление богини Иштар (VI).

Для вавилонской теогонии, «культурной» деятельности Оаннеса, космогонического мифа и антропогонического мифа про Бела, мифа о потопе, мифа о Вавилонской башне, истории Саргона, небольшие отрывки из которых пересказываются или цитируются Мережковским, источником является «Вавилонская история» вавилонского жреца Беросса, дошедшая в отрывках, в пересказе А. Полигистора; Мережковский ссылается и на первого и на второго. Каноническим считается издание Беросса Ф. Ленорманом в 1872 г., но Мережковский, как указывают комментаторы, ссылается на бельгийских историков Ф. Кюммона и Ж. Биде (1904). Космогонию также пересказывает Г. Винклер в труде «Вавилон. Его история и культура», переведенном на русский язык в 1913 г., и Г. Масперо. При изложении мифа о потопе Мережковский ссылается на «Литературу Вавилона и Ассирии» (1907) О. Вебера, в изложении варианта антропогонического мифа – на таблицы Британского музея (скорее всего, в переводе А. Унгнада). Надпись Саргона, как указал Мережковский, приведена по труду Г. Грессмана «Моисей и его время» (1913). Эту надпись также пересказывали Г. Винклер, Г.Масперо.

Египетскому мифу об Озирисе и Изиде соответствует вавилонский миф о Таммузе и Иштар (это соответствие выражено даже в композиции «Тайны Трех»). В комментариях к «Тайне Запада» указан источник шумеро-аккадской песни о Таммузе – статья немецкого ассириолога Г. Циммерна «Шумеро-вавилонские песни Таммуза » (1907). Достаточно много цитат Мережковский приводит из аккадской поэмы «К стране неизбежной (Хождение Иштар в Преисподнюю)». Поэма (и миф) изложена Г. Масперо в «Древней истории. Египте. Ассирии», на русском языке она опубликована в 1922 г. в переводе В.К. Шилейко; мог ли Мережковский знать этот перевод – пока не известно. Сам обряд, как указывают комментаторы, описан по труду «Этюды по семитическим религиям» (1905) Ж.М. Лагранжа.

Древневавилонский миф об Адапе и Этане, отдельные гимны и молитвы приведены по «Религиям Ассирии-Вавилона» Э.П. Дорма (1910), «Руководству по

древневосточной духовной культуре» (1913) А. Иеремиаса, «Первым цивилизациям: этюдам истории и археологии» (1874) Ф. Ленормана. Комментаторы расшифровали источники шумерской молитвы, вавилонского пророчества, ассирийского гимна: это – «Исследование культа, символов, атрибутов и памятников, фигур Венеры на Востоке и Западе» (1837) Э.Б.Ф. Лежара, «Вавилонская культура в ее отношении к культуре развития человечества» (1907, русск. пер. 1913) Г. Винклера, «Религия Вавилона и Ассирии» (1905) М. Джастроу. Текст о демонах и одна из молитв соотносятся с книгой Г. Масперо, хотя первым источником Мережковский указал «Религию Вавилона и Асссирии» (1921) А. Унгнада.

Знакомя читателей с Ассиро-Вавилонской культурой, писатель высказал тезис о значимости шумерской древности (положение Г. Винклера), привел надписи царей Шумера и Аггада, Ассирии – высказывания последних даны по труду «История империи Халдеи и Ассирии по их монументам» (1865) Ж. Опперта; письма царей Вавилона и Миттании египетским фараоном (некоторые отрывки из переписки царей приводит и А. Морэ); некоторые законы Хаммурапи (последние еще в начале века были переведены на русский язык).

Из произведений искусства описаны развалины зиккурата в Нимруде, скульптуры Лагаша, рельефы дворца Ашшурбанипала в Ниневии («Сцены охоты», «Раненый лев», «Умирающая львица» и др.), вавилонские печати-цилиндры и изображения на них. Из обрядов указаны: связанные с жрицей Иштар, обряд священной проституции. «История» Геродота является источником некоторых сведений по архитектуре и обрядам; Ф. Ленорман описывает многие барельефы дворца Ашшурбанипала в труде «Руководство к древней истории Востока до персидских войн. Т. 1. Вып. 2. Ассирия и Вавилон», переведенном на русский язык в 1877 г.

Кроме «источников мнений» и «источников фактов» отдельно можно выделить группу «примеров»; в нее попадают цитаты, используемые Мережковским не в качестве источников, а в качестве иллюстраций к своим идеям и положениям. Мережковский не черпает из них информацию, но подкрепляет или украшает ими свои произведения.

Их выбор иллюстрирует как эрудицию Мережковского, так и его предпочтения: прошлые, настоящие и даже будущие. Это Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.И. Герцен, Г. Ибсен, Наполеон, блаж. Августин, Данте.

Из поэтов: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой, В.С. Соловьев, З.Н. Гиппиус, А.А. Блок, А.А. Ахматова. Мережковский ищет у них подтверждения своих идей, а также обозначает символическую традицию, которой

следует. Поэтому Тютчев цитируется чаще, чем Пушкин, а Достоевский – чаще, чем все остальные, вместе взятые (почти столько же раз, сколько и Платон).

Свои примеры диктует и материал. Традиция художественного изображения Египта проанализирована в двухтомнике Л.Г. Пановой «Русский Египет». Но Мережковский из богатейшего русского наследия цитирует только очерки А.С. Норова «Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 г.» и стихотворение В.С. Соловьева.

Между тем, К.Д. Бальмонт в «Зовах древности» (1908) дал переложения некоторых глав из «Книги Мертвых», в «Краю Озириса» (1914) – сказки «Сатни-Хамоис и его сын Са-Осирис», песни Манероса, стихотворения на стеле, посвященной богине Мут. Н.С. Гумилев перекладывал «Эпос о Гильгамеше», В.Я. Брюсов писал стихи и на ассиро-вавилонские темы, посвятил целое исследование «Учителя учителей» – Атлантиде как пра-культуре.

Отсутствие вышеперечисленных поэтов еще раз говорит о том, что для Мережковского «идеи» важнее «фактов», поэтому иллюстрировались первые, а не вторые. Кроме того, «Тайна Трех» и «Тайна Запада» имеют отчетливо антибольшевистскую направленность, а Брюсов стал сотрудничать с Советской властью.

Итак, анализ комментария: «источников идей» и «источников фактов», и даже примеров, – показывает одно и то же. Мережковский осознает себя как религиозный философ в определенной традиции: Платон–Шеллинг–Соловьев. Философия культуры (Шпенглер) волнует его гораздо меньше, а антропологическая традиция (Фрэзер) ему не интересна, поэтому и ссылок на них практически нет.

Историко-культурный материал Мережковский использует для доказательства собственной религиозно-философской концепции. Не от материала он идет к обобщению, а от заданной идеи – к материалу. В этом смысле он – приверженец дедукции, а не индукции; и не случайно является последовательным врагом позитивизма.

Закономерно и обращение к самым известным историческим фактам, описание самых знаменитых произведений искусства – читатель должен их знать, ведь важно не знакомство с новым, а подтверждение достоверным. Цитаты из литературных произведений Нового времени играют ту же роль, что и древние артефакты – они иллюстрируют заданную идею.

Но даже при таком «подчиненном» положении фактов – нельзя не поразиться их полноте, значимости и точности. Мережковский называет крупнейших исследователей описываемых им культур. Из египтологов это – во Франции: Ж.-Ф. Шампольон, Ф.О.Ф.

Мариэтт, Ж. де Морган, Г.К.Ч. Масперо, Э.К. Амелино; в Германии: К.Р. Лепсиус, Г. Бругш, А. Эрман, Л. Борхард, А. Видеманн, Эд. Мейер; в Англии: М. Мюллер (отчасти), М. Ф.А. Вейгалл, Э.А.У. Бадж; в Америке: Дж. Г. Брэстед; в России: Б.А, Тураев. Из ассириологов это – в Германии: Ф. Делитч, Г. Винклер, А. Унгнад, А. Иеремиас, О. Вебер, Г. Грессман, Г. Циммерн, Ц. Леманн, Ф. Хоммель, Б. Мейснер; во Франции: Э.П. Дорм, Ж. Опперт, Ф. Ленорман, А. Луази, В. Плас; в России: В.К. Шилейко. Все эти имена указаны в комментариях.

Таким образом, по труду О.А. Коростелева и Е.А. Андрущенко можно составить представление не только о поэтике Мережковского, его подходу к материалу – но и об общем состоянии египтологии и ассириологии в указанный период. В этом смысле комментарий интересен и для исследователей творчества Бальмонта, Брюсова, Волошина, Гумилева, В. Иванова, Мандельштама – поэтов, обращавшихся к изображению древних культур. Из его текста можно почерпнуть как сведения о конкретных источниках, так и общие принципы комментария для произведений, написанных в духе «поэтического фольклоризма».

Список использованной литературы

Андрущенко Е.А. «Несвоевременная» книга // *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений: В 20 т. Т. 14: Тайна Трех: Египет и Вавилон; Тайна Запада: Атлантида-Европа / Сост., подг. текста, послесл., коммент. О.А. Коростелева и Е.А. Андрущенко при участии А.В. Журбиной. М.: Дмитрий Сечин, 2017. С. 778–790.

Грико Т.И. Возможные типы комментария к произведениям И.С. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания. М.: ИМЛИ РАН. 2007. С. 326–329.

Коростелев О.А., Андрущенко Е.А., Журбина А.В. Комментарии [Тайна Запада: Атлантида–Европа] // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 14. М.: Дмитрий Сечин. 2017. С. 668–769.

Коростелев О.А., Андрущенко Е.А., Журбина А.В. Комментарии [Тайна Трех: Египет и Вавилон] // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 14. М.: Дмитрий Сечин. 2017. С. 609–668.

Коростелев О.А. Главная трилогия Д.С. Мережковского // *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений: В 20 т. Т. 14: Тайна Трех: Египет и Вавилон; Тайна Запада: Атлантида-Европа / Сост., подг. текста, послесл., коммент. О.А. Коростелева и Е.А. Андрущенко при участии А.В. Журбиной. М.: Дмитрий Сечин, 2017. С. 770–777.

Коростелев О.А. Главная трилогия Д.С. Мережковского // *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. Тайна Трех / Под ред. О.А. Коростелева, А.Н. Николюкина и С.Р. Федякина. М.: Республика, 1999. С. 603–606.

Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 14: Тайна Трех: Египет и Вавилон; Тайна Запада: Атлантида-Европа / Сост., подг. текста, послесл., коммент. О.А. Коростелева и Е.А. Андрущенко при участии А.В. Журбиной. М.: Дмитрий Сечин, 2017. – 807 с.

Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Тайна Трех: Египет и Вавилон; Тайна Запада: Атлантида-Европа / Редкол.: О.А. Коростелев, А.Н. Николюкин и С.Р. Федякин. Сост. и подг. текста А. Н. Николюкина. Послесл. О.А. Коростелева. М.: Республика, 1999. – 608 с.

Панова Л.Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина: В 2 кн. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006.

Полонский В.В. Дмитрий Мережковский / Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 19–20.